

Б. С—ль

ГАНДИЗМ

Революционный Восток, 1929, №7

Б. С—ЛЬ.

Гандизм

Революционный Восток, 1929, № 7, стр. 117—137.

Содержание

Теория гандизма.	7
Социальные корни гандизма.	13
Практика гандизма.	21

В основу настоящей статьи положены след, работы самого Ганди: *Gandhi: Young India 1919—1922* г. (сборник статей Ганди в издаваемом им журнале под тем же названием) Madras 1922; *Indian Home Rull*, Madras 1921; *Ethical Religion and A Guide to Health*, Madras 1922. Кроме того: *Mahatma Gandhi. His life, writings and speeches*. Madras 1922; и индийская пресса.

Годы 1919—1922 отмечены в Индии, как период высшего под’ема национально-освободительной борьбы. До этого времени национальная идея была заперта в узком кругу либеральной буржуазии и мелко-буржуазной интеллигенции. Либеральная буржуазия сотрудничала с английским империализмом, усиленно помогала ему во время войны, надеясь за верную службу получить если не полную власть в стране, то, по крайней мере, право на участие в решении ее судеб. Мелко-буржуазная интеллигенция устраивала заговоры, совершала террористические акты, мечтая таким путем «сделать для англичан жизнь в Индии несносной» и заставить их «уйти». Особняком от этих двух течений в национальном движении стояли крестьянские восстания и бунты в туземных войсках, участвовавшие во время войны. Стихийные рабочие забастовки, спорадически вспыхивавшие в этот период, имели исключительно экономический характер и не преследовали политических задач.

1919 г. открывает новый этап в развитии индийской революции. Идея национального освобождения становится достоянием миллионов масс. Национальная буржуазия, разочарованная послевоенными реформами, не давшими ей никакой реальной власти, становится во главе революции, чтобы затем ее обезглавить. Крестьянские восстания, грандиозные рабочие забастовки, манифестации студентов, бойкот англичан, их товаров и учреждений со стороны туземной буржуазии, — все сливается в один общий поток мощного массового движения, в один всенародный натиск на чужеземных угнетателей

трехсот миллионной страны. Организатором и централизующей силой движения является Инд. Нац. Конгресс. Вождем Нац. Конгресса и идеологом движения выступает Ганди.

Теория гандизма.

В социальной теории гандизма нет ничего оригинального или нового по сравнению с теми реакционно-утопическими учениями, величайшим представителем которых у нас, в России, был Толстой. Нет сомнения, что основами своего учения Ганди обязан именно Толстому.

Проповедь религиозной морали образует общий фон учения Ганди. «Политика, отделенная от религии, не имеет абсолютно никакого значения», говорит Ганди. Как и Толстой, Ганди рассматривает религию не как систему внешних обрядов, а как нормы нравственного поведения человека. Ганди не делает различия между отдельными религиями и подкрепляет свои выступления изречениями одинаково из Корана, библии, евангелия и индусских священных писаний. Эта черта в учении Ганди, сама по себе глубоко реакционного характера, сыграла, однако, в свое время ту положительную роль, что она ослабила узкий религиозный фанатизм, испокон веков являвшийся вернейшим орудием английской политики в Индии, и облегчила об'единение всех секций индийского народа на платформе борьбы против англичан.

Идеализация индийского средневековья является второй характерной чертой учения Ганди:

“У нас не было конкуренции, раз'едающей жизнь. Каждый имел свою профессию и получал установленную плату. Не то, чтоб мы не умели изобретать машины. Но наши предки знали, что если

мы погонимся за этими вещами, то мы станем рабами и потеряем свой духовный облик. Они Поэтому, после серьезного размышления решили, что мы должны обходиться своими руками и ногами... Далее, они рассуждали, что большие города являются западней и бесполезным бременем и народ в них не будет счастлив; что они будут полны воров и грабителей, проституция и порок будут в них процветать и бедных людей будут грабить богатые люди. Они поэтому удовлетворялись маленькими деревнями. Они видели, что цари и их мечи уступают силе морали, и они поэтому ставили земных властителей ниже риши и факиров (*Неимущих праведников и бедных.*)"... Правосудие было более или менее справедливо.. Простой народ жил независимо и занимался своим земледелием. Он имел подлинное самоуправление».

В таких розовых красках изображает Ганди восточную деспотию и общинный строй древней Индии, о которой Маркс писал: «Эти идиллические сельские общины сколь “безобидными они бы ни казались, всегда были прочной-основой восточного деспотизма, они ограничивали человеческий разум самыми узкими пределами, делая из него покорное орудие суеверия, подчиняя его традиционным правилам, лишая его всякого величия, всякой энергии к историческому действию”. К этому идеалу патриархального быта зовет Ганди современную Индию. Ганди не смущается тем, что нельзя повернуть вспять колесо истории. «Все это может звучать как бессмыслица. Ну что-же, Индия — страна бессмыслицы. Бессмыслица иссушать себе горло жаждой, когда добрый мусульманин готов

предложить чистую воду для питья. Между тем, тысячи индусов скорее умрут от жажды, нежели напьются воды с мусульманского двора».

Если так возвышена была социальная система древней Индии, то тем более следует лелеять и охранять от разрушения все осколки прошлого, которые еще устояли под напором исторического потока. Наиболее важным и, вместе с тем, наиболее отвратительным пережитком древних институтов в современной Индии является каста. Подавляющее большинство индийского народа — свыше 200 млн. чел. — расщеплено на отдельные, изолированные друг от друга, враждебные друг другу, кастовые группы. В городах силы экономического развития успели нанести жесточайшие удары кастовой системе и пробить довольно большие бреши в кастовых перегородках. Но в деревнях кастовые предрассудки держатся еще крепко и представляют величайшее затруднение для организации крестьянства. В индийской деревне насчитывается еще 40 млн. крестьян, принадлежащих к так наз. низшим кастам, которым не разрешается пользоваться водой из общественных колодцев, ходить по общим деревенским дорогам, купаться в общественных прудах, обучать своих детей в сельских школах. Одно прикосновение к члену низшей касты считается осквернением для порядочного индуса. Ганди проповедует уничтожение бытового неравенства каст. Но Ганди стоит за увековечение того, что является коренным источником этого неравенства: самого института касты. Ибо Ганди знает, что предрассудки миллионов — страшная сила. И Ганди готов

использовать гнуснейший пережиток индийского средневековья — кастовые предрассудки миллионов индусов — чтобы как-нибудь задержать проникновение в священную Индию «дьявольской» цивилизации современного мира. Если нельзя идти назад, то может быть можно застыть на месте? Тут мы подходим к основному пункту в социальной теории гандизма.

Идеализация самобытного прошлого Индии у Ганди — это только отраженная ненависть к материалистической культуре Запада. Ганди порицает пороки современного общества: войны, проституцию, детскую смертность, погоню за наживой. «Кредитная система, — говорит Ганди, — обвила нашу прекрасную землю, как кольца змеи, и если мы не обратим на это внимания, она придушит нас до смерти». Но яростнее всего обрушивается Ганди на материальную базу современной культуры — на машину. «Машина начала опустошать Европу... — Машина — главный символ современной цивилизации... Рабочие бомбейских фабрик стали рабами. Положение женщин, работающих на этих фабриках, постыдно. Когда не было фабрик, эти женщины не умирали с голоду». Раньше Индия обходилась без ввозных предметов: «теперь даже наши боги производятся в Германии». По Ганди, все несчастья Индии исходят от железных дорог. Железные дороги распространяют чуму, голодовки. Только благодаря железным дорогам могут англичане удержать Индию. Если для Индии еще не утеряна возможность спасения, то только благодаря тому, что миллионы индийских крестьян еще пахут землю

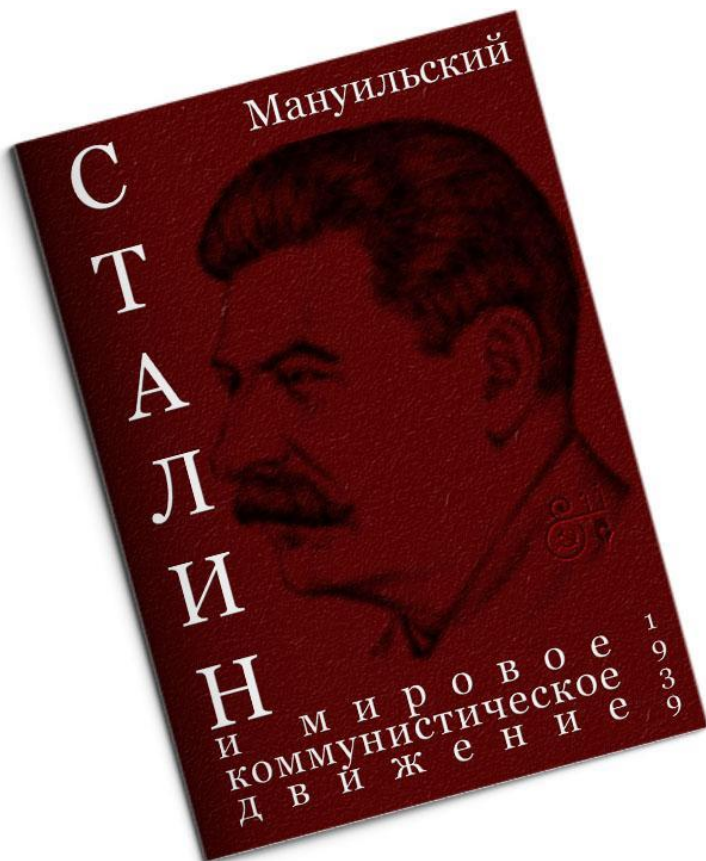
мотыгой. Спасения от машины Ганди ищет в «чарке» — домашнем веретене, которое он предлагает насадить в каждом доме, в каждом крестьянском хозяйстве.

Ганди верит, что классовая борьба есть продукт западной цивилизации. Индия может и должна остаться свободной от этого зла. Вместо классовой борьбы Ганди проповедует ненасилие, пассивное сопротивление. В этом политическая сущность учения Ганди. Если рабочий находит, что предприниматель обходится с ним несправедливо, то Ганди советует ему сесть на землю и заявить: «Хозяин, я хочу справедливости или я не буду работать. Дай мне пищи, если хочешь, воды, если хочешь, иначе я остаюсь здесь голодный и жаждущий», и Ганди уверяет рабочего, что «самое ожесточенное архи-каменное сердце смягчится!». Английским хозяевам Индии он говорит: «Вы обладаете большими военными ресурсами. Ваше морское могущество не имеет соперников. Если бы мы хотели бороться с вами на этой арене, то мы бессильны. Но если вы не принимаете наших требований, то мы перестаем играть роль управляемых. Если хотите, можете резать нас на куски. Можете привязывать к дулам пушек и пускать на воздух. Если вы будете действовать против нашей воли, мы вам не поможем, а вы, как мы знаем, без нашей помощи не сможете сделать ни шагу вперед».

Религиозная мораль, самодовлеющая деревня, «чарка» и «кхаддар» (домотканое полотно), как ее воплощение, пассивное сопротивление злу, — таков символ веры гандизма. В основном это те же черты,

которые характеризуют толстовство. Поэтому с полным правом можно применить к гандизму оценку, данную Лениным учению Толстого: «Учение Толстого безусловно утопично и, по своему содержанию, реакционно в самом точном и самом глубоком значении этого слова». Но у Толстого, великого художника, был, по крайней мере, силен критический элемент, который, как отмечает Ленин, мог на известной ступени развития, «на практике приносить иногда пользу некоторым слоям населения *вопреки* реакционным и утопическим чертам толстовства». Ганди не был художником слова. Его ненависть к современной цивилизации проявляется больше в восхвалении старого, нежели в разоблачении зол капиталистического общества. К гандизму поэтому еще в большей мере приложимы слова Ленина о толстовстве: «Идеологией восточного строя, азиатского строя и является толстовщина в ее реальном историческом содержании». У Ганди почти совсем не найти резкой критики империалистической эксплуатации Индии, полицейского произвола и издевательства над населением, всего того, что характеризует колониальный режим. Критические элементы в учении Ганди почти совсем исчезают ский народ. Ганди, таким образом, взял у Толстого и превратил в догму как раз отрицательную сторону его учения. В этом, как и в том факте, что учение Ганди, сложившееся еще в начале нашего века, после войны проложило себе путь в самую гущу индийских народных масс и стало, действительно, идеологией миллионов, нельзя видеть простую случайность, объясняющуюся одной личностью Ганди. Социальные

корни гандизма и причины его влияния на массы лежат в тех исторических условиях, которые подготовили под'ем первой индийской революции 1919—1922 г.г.

Социальные корни гандизма.

«Пессимизм, непротивленство, апелляция к «духу» есть идеология, неизбежно появляющаяся в такую эпоху, когда весь старый строй «переворотился» и когда масса, воспитанная в этом старом строе, с молоком матери впитавшая в себе начало, привычки, традиции, верования этого строя, не видит и не может видеть каков «укладывающийся» новый строй, какие общественные силы, и как именно его «укладывают», какие общественные силы способны принести избавление от неисчислимых, особенно острых бедствий, свойственных эпохам «ломки» (Ленин).

Процесс развития капитализма и разложения старого общественного строя приобретает в Индии специфические черты, во-первых, благодаря колониальному характеру страны. «Опустошительные последствия, — говорится в колониальных тезисах VI Конгресса, — к которым капиталистическое развитие везде ведет, в особенности на первой стадии своего существования, воспроизводятся в колониях в чудовищной степени и ускоренном темпе, благодаря внедрению заграничного капитала: прогрессивные последствия капитализма, напротив, там совершенно не ощущаются». Во всех классических странах капитализма параллельно пауперизации крестьянства и разложению ремесла, шел процесс бы строго роста городской промышленности, поглощавшей массы мелких производителей, выброшенных из деревни и ремесла, и превращавшей их в пролетариат. В Индии этот процесс проходит много мучительнее. Благодаря слабому темпу развития промышленности,

обусловленному политикой империализма, разорившийся кустарь не находит себе место на фабрике и вынужден пойти в перенаселенную деревню. Миллионные массы экспроприированного крестьянства в значительной своей части совершенно выброшены и з производственного процесса и медленно вымирают от голода и эпидемий.

Во-вторых, надо иметь в виду, какой уклад разлагается в Индии. Азиатская деспотия царизма в России — рай по сравнению с тем режимом, который дона стоящего времени процветает в туземных княжествах, охватывающ их одну треть территории страны с 70 милл. населения. Крепостное право — невинный младенец по сравнению с тысячелетним кастовым строем индийской деревни. Азиатский капитализм русского кулака — ничто по сравнению с гнетом ростовщического капитала, держащего в своих руках до 90% индийского крестьянства.

В-третьих, кто является разрушителем старого строя и проводником капитализма в Индии? Не слабая туземная буржуазия, медленно вылупляющаяся из торгово-ростовщической оболочки, а могущественный иностранный империализм, зрелый и перезрелый английский монополистический финансовый капитал. В России масса, воспитавшаяся в старом строе, не видела и не могла видеть «противоречия, которое глубже всего объясняет русскую революцию: самое отсталое землевладение, самая дикая деревня — самый передовой промышленный и финансовый капитализм!» (Ленин). Тем менее могла видеть эту борьбу двух сил, противоречия между которыми в Индии неизмеримо

глубже, чем с России, — индийская народная масса. Тем менее могла она понять, в чем заключается сила врага и как с ним нужно бороться.

Наконец, конкретные черты данного исторического периода в Индии. Эпоха ломки традиционных отношений в индийской деревне охватывает в Индии период, примерно, с конца прошлого столетия и до конца мировой войны. В первые годы наш его века в Индии появляется крупная промышленность. Война заставляет английский империализм менять свою политику торможения развития крупной индустрии, и рост ее увеличивается, захватывая все новые отрасли производства. Низкие цены на экспортные культуры, стоявшие: в начале войны, общий рост цен в конце ее и высокие налоги с двух концов разоряют крестьянство, неимоверно ускоряя процесс его обезземеливания и пауперизации. Но особенно катастрофически сказался этот период на положении ремесла. Ввоз английских товаров в Индию начался с 20-х годов прошлого века и нанес сокрушительные удары туземной кустарной промышленности, роль которой в экономике страны непрерывно падала. Однако, ввоз иностранных товаров не мог окончательно уничтожить широко распространенного в Индии ремесла. Еще в 1911 г., по официальной статистике, в индийской промышленности занято было 17, 5 мил. человек, из которых не больше 3 мил. приходилось на современную индустрию. Уменьшение конкуренции и нестранных товаров и под'ем цен на промышленные изделия во время войны не могли спасти кустарей от разорения. Наоборот, туземная промышленность, стремившаяся овладеть

всеми областями производства, проникавшая в самые отдаленные уголки страны, оказалась более жестоким соперником для кустаря, чем иностранный капитализм. Цифры говорят, что за десятилетие 1911—1921 г. число лиц, занятых в промышленности, упало на 2 мил., т.-е. на 12%, что при быстром росте индустрии может только означать значительно большее сокращение числа кустарей и ремесленников. В Бенгалии же за предыдущее десятилетие число кустарей- текстильщиков пало на 23%.

Проникновение капитализма в сельское хозяйство, расслоение деревни, выделение из парцеллярного крестьянства капиталистического фермера на одном полюсе и неимущего пролетария на другом, — есть длительный процесс, который во всех старых странах мира тянулся многими десятилетиями и ни в одной из них, за исключением Англии, не привел еще к окончательному исчезновению мелкого крестьянства. Другое дело ремесло. Отсрочка, которую оно получает от капитализма, значительно короче. В Индии мы можем прямо нащупать руками, как катастрофически быстро шла гибель целых ремесла, исчезновение сотен тысяч кустарей.

Вот этот-то процесс разложения тысячелетиями утвердившегося хозяйственного уклада Индии, те специфические формы, в которых он протекал в колониальной стране, особенности всей мировой исторической эпохи, в рамках которой он развивался, — все это наложило свой отпечаток на первую индийскую революцию и породило идеологию гандизма.

В статье об ирландском восстании Ленин так характеризует русскую революцию 1905 г.: «Она состояла из ряда битв всех недовольных классов, групп, элементов населения. Из них были массы с самыми дикими предрассудками, самыми неясными и фантастическими целями борьбы, были группки, бравшие японские деньги, были спекулянты и авантюристы и т. д.». Однако, русская революция 1905 г. не знала и не могла знать такого дикого смещения самых фантастических форм борьбы, какие мы находим в национально-революционном движении Индии в 1919—1922 г. В одном районе крестьянское восстание проходило под лозунгом священной войны мусульман против индусов. Целое племя мусульман земледельцев (Мопла в Малабаре) поднялось против полуфеодальных землевладельцев индусов, резало помещиков, кастрировало деревенских ростовщиков (тоже большей частью индусы), потом в горах в течение нескольких месяцев вело партизанскую войну против правительственных войск, пока почти все племя не было уничтожено или захвачено в плен и сослано на Андаманы (индийская каторга). В другом районе секта Акали, в среде которой было много солдат, участвовавших в мировой войне, подняла движение за реформацию храмового управления. Демонстрации десятков тысяч Акали направлялись к храмам, окруженным войсками, садились на землю и без сопротивления давали увозить себя в тюрьмы. И здесь борьба шла за землю, принадлежавшую раньше общине, но присвоенную впоследствии жрецами храмов. Даже рабочее движение в городах отражало особые исторические условия индийской

действительности. Рабочие не бастовали, а «прекращали работу» вместе со своими хозяевами-фабрикантами и мелкими лавочниками, бойкотировавшими английские товары.

Те же черты мы находим в идеологии Гандизма. Стихийный протест мелкого самостоятельного производителя, экспроприированного и выбрасываемого из производственного процесса; ненависть разоряем ого кустаря к машине, непосредственной причине его бедствий; растерянность крестьянина, попадающего, вместе с женой и детьми на фабрику ранней капиталистической эпохи, с ее 16-часовым рабочим днем, темными и вонючими помещениями, в которых — при отсутствии предохранительных приспособлений — каждый неловкий поворот грозит увечьем и смертью; бессилие и беспомощность распяленных крестьянских масс перед слепой силой наступающ его финансового капитала, одного из наиболее могущественных в мире, вооруженного до зубов, не колеблющегося идти на самые дикие расправы (бойня в Амрицаре), чтобы удержать свое господство.

Все это вместе взятое достаточно об'ясняет и противоречия в учении Ганди, и идею пассивного сопротивления, и отрицание современного общества, а вместе с ним, технического прогресса и классовой борьбы, и идеализацию старого азиатского строя. Во всем этом идеология гандизма была отражением процессов, действительно развивавшихся в Индии в этот период. Но почему же обнаруживает Ганди такую респектабельность выражений и трусость мысли,

когда дело идет о критике конкретных мерзостей колониального режима, в котором зады хается Индия? Потому что, отражая в своем учении идеологию разоренного и разоряем огокустаря и крестьянина, Ганди и его ученики в своей практической политической деятельности были крепко связаны, прежде всего, с туземными господствующими классами. Отсюда отсутствие даже тех критических элементов, которые мы наблюдаем у Толстого. Отсюда и другое: гандизм в теории реакционер. Гандизм в действии, гандизм, влиявший на политическую акцию масс, — оказался величайшим препятствием на пути к их освобождению и объективно превратился в контрреволюционную силу. Об этом свидетельствует вся история первой индийской революции.

Практика гандизма.

Первые попытки применить теорию гандизма на практике относятся еще к началу нашего века, когда Ганди, живший тогда в Южной Африке, возглавил борьбу местных индийцев против ограничения их прав Бурскими республиками, а впоследствии английским правительством. Индийское население Южной Африки состоит из контрактованных кули, мелких торговцев и небольшой группы лиц либеральных профессий (адвокаты, врачи и т. д.). Местная белая буржуазия — бурская и английская — была заинтересована в ввозе из Индии рабочих для приисков и плантаций, т. к. туземное негритянское население, жившее еще родовым бытом, трудно было привлечь на работу. Но оно совсем не было заинтересовано в том, чтобы рабочие оставались в стране после окончания их контракта. Это усложняет и без того сложный национальный вопрос и приводило к конкуренции с местным торговым капиталом. Кроме того, более высокая зарплата и большая самостоятельность свободного рабочего индуса неизбежно действовали «разлагающе» на «мораль» контрактованного кули, который становился недовольным условиями своего рабского труда и устраивал забастовки. Англо-бурская буржуазия в Южной Африке поэтому провела целую систему мероприятий (ограничение права передвижения индийцев, запрещение покупки земли, выделение специальных индийских кварталов в городах, высокий подушный налог на индийцев и т. д.), — общая цель которых — вынудить рабочих,

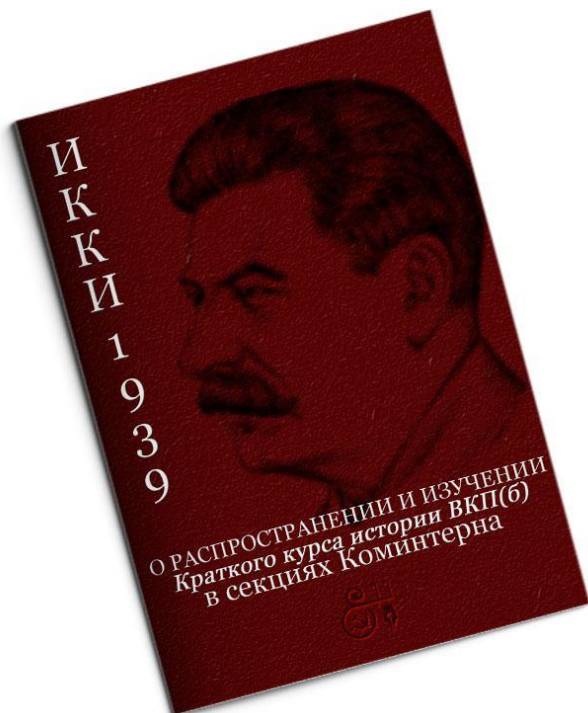
кончивших свой контракт, вернуться на родину. Против этого-то законодательства Ганди и повел борьбу под лозунгом пассивного сопротивления, после того, как не удалось достичь компромисса с местными властями.

Тут необходимо отметить одну черту Ганди, как тактика. Ганди понимал значение массового действия, действительно общался с массами, говорил их языком, знал их предрассудки и умел на них играть. В этом секрет последую щ ей роли Ганди в революционном движении. В Южной Африке и до Ганди местные индийцы вели борьбу за уравнение в правах с белыми. Но эта борьба ограничивалась кучкой индийской интеллигенции и мелкой буржуазии. Ганди же апеллировал к массам контрактованных рабочих, вызвал их на забастовки, организовал демонстрации в десятки тысяч человек. Во время этого движения, которое тянулось с переменным успехом около десятка лет, Ганди не вы ставил ни одного экономического требования в интересах жестоко эксплуатируемых кули. Наоборот, все его усилия были направлены к тому, чтобы удержать рабочих от пред'явления "несправедливых" требований, ограничить рамками мирной демонстрации их растущую ненависть к белым плантаторами. И рабочие за ним шли, ибо не было никого, кто разоблачил бы лож ь и реакционность проповеди Ганди, кто указал бы рабочим другой путь борьбы. Для характеристики поведения Ганди в этот период достаточно привести два факта. К огданачалась война против буров, Ганди организовал индийский отряд и деятельно помогал английскому империализму

слопать маленькие независимые республики. Точно также участвовал Ганди в подавлении восстания Зулусов. Но еще ярче рисует гандизм в действии другой случай, который сам Ганди выставляет как образец правильной тактики. «Во время движения сатиаграха (пассивное сопротивление) в Южной Африке, — рассказывает Ганди, — забастовало несколько тысяч контрактованных кули. Забастовка протекала под лозунгами сатьяграха и, следовательно, была совершенно мирной и добровольной. Когда забастовка еще продолжалась, была объявлена забастовка европейских углекопов, железнодорожников и др. Мне сделали предложение создать единый фронт с европейскими стачечниками. Как сатиаграха (последователь пассивного сопротивления) мне не понадобилось и минуты размышления, чтобы отказаться. Я пошел дальше и из боязни, что нашу забастовку смешают с забастовкой европейцев, в которой методы насилия и употребление оружия играли видную роль, — *приостановил нашу забастовку*, и с этого момента европейцы Южной Африки признали сатиаграха почетным и честным движением, по словам ген. Сметса — конституционным движением». Отказать в помощи бастующим рабочим, прекратить свою забастовку, только для того, чтобы ген. Смете — тот самый, который проводил анти-индийское законодательство в Южной Африке, — признал движение конституционным! Нужно сознаться, что трудно найти что-либо более лживое, более мерзкое, более вредное интересам рабочего класса, чем гандизм.

Уже в Южной Африке выявились все основные черты гандистской тактики. Но историческое значение гандизм получил не там, а в Индии. В Южной Африке в движение были втянуты тысячи — в Индии Ганди ворочал миллионными массами. Только на фоне мощного революционного движения, вынесшего Ганди на гребень волны и потом позорно преданного им, полностью вскрывается подлинная предательская сущность гандизма.

* * * *

В настоящем очерке мы не можем подробно останавливаться на истории национально-революционного движения в Индии. Об'ективные предпосылки первой индийской революции в основных штрихах намечены выше. Непосредственным толчком, развязавшим революционную энергию масс, был грандиозный голод 1918 г., от которого погибло 12 мил. человек, война Англии против Турции, вызвавшая возмущение индийских мусульман, и кровавая баня, устроенная англичанами населению города Амритсара, собравшемуся на мирный митинг протеста (апрель 1919 г.). Организационное руководство движением находилось в руках мелкой буржуазии, представленной Индийским Национальным Конгрессом. Фактически же движением заправляла национальная буржуазия, как единственный политически сознательный класс в стране. Влияние Ганди начинает сказываться в движении рано — с 1918 г. Ганди начинает с самого сердечного сотрудничества с английским империализмом, котором у он глубоко сочувствует в его военных затруднениях. Он принимает участие в военной конференции, созванной вице-королем с целью изыскать средства для продолжения империалистической бойни, и после нее обращается к вице королю с открытым письмом, в котором заявляет: «Если бы я мог заставить своих соотечественников вернуться назад, я заставил бы их снять все резолюции конгресса и не шушукаться о самоуправлении или ответственном правительстве во время войны. Я заставил бы Индию отдать всех ее

здоровых сынов в жертву империи в этот критический момент; и я знаю, что через этот свой поступок Индия стала бы наиболее любимым членом империи и все расовые различия стали, бы делом прошлого».

Помощь, оказанная английскому империализму туземной буржуазией во время войны, не предотвратила ни Амрицарской бойни, ни осадного положения, сопровождавшегося неистовым полицейским разгулом. Туземная буржуазия не получила за свою лояльность ответственного правительства, которое ей было обещано. В 1920 г. чрезвычайная сессия Конгресса принимает гандистскую программу пассивного сопротивления, бойкота английских товаров, правительственных судов и школ. Ганди становится во главе Конгресса. С этого же периода начинаются его колебания. Он то объявляет кампанию пассивного сопротивления, то отменяет ее. В сентябре 1921 г. в Бомбей приезжает принц Уэльский (наследник английского престола). Конгресс объявляет «хартал», т.-е. полное прекращение работы на всех предприятиях и в учреждениях, прекращение торговли, закрытие базаров и т. д. Рабочий класс Бомбея с энтузиазмом отвечает на призыв Конгресса. Останавливаются, трамваи, бастуют все фабрики, даже извозчики не раз'езжают по городу, который фактически переходит в руки восставших рабочих. В этой напряженной атмосфере рабочие нападают на кучку прислужников английского империализма, направившихся вопреки всеобщему бойкоту встречать принца от имени индийского народа. Происходит столкновение с полицией, которая стреляет в бастующих. Ганди

немедленно бросается к месту столкновению, останавливает рабочих, прекращает «хартал» и обращается к «хулиганам Бомбея» с гнуснейшим воззванием, в котором обвиняет рабочих в конфликте и оправдывает полицию, стрелявшую в безоружную толпу.

В течение 1921 г. учащаются забастовки рабочих против туземных предпринимателей. Ганди обращается к рабочим с проповедью классового сотрудничества. В речи, произнесенной на собрании рабочих Ахмедабаде, он говорит: «Я знаю, что забастовки являются неотъемлемым правом рабочих, добивающихся справедливости, но они должны рассматриваться как преступление, как только капиталисты принимают принцип арбитража... Когда рабочие научатся отождествлять себя с интересами фабрикантов, они сами поднимутся и с ними поднимется промышленность страны». Рост политических забастовок пугает Ганди еще более, чем экономические стачки. В директивной статье, предназначенной для работников конгресса, по мнению Ганди слишком увлекавшихся политическими забастовками, он пишет: «не требуется большого усилия ума, чтобы понять, что чрезвычайно опасно использовать рабочих для политических целей, пока рабочие не поймут политического положения в стране и не будут готовы работать для всеобщего блага». Отражая испуг буржуазии перед ростом рабочего движения и классового сознания рабочих, чувствуя, что с развитием национально-революционной борьбы рабочие все более «отбиваются» от рук буржуазного

руководства и стихийно переходят на почву защиты своих классовых интересов, Ганди прилагает все усилия, чтобы втянуть рабочее движение в узкие рамки национально-буржуазных задач. Ставил ли это Ганди сознательной своей целью или нет, но объективно он стремился распылить классовую борьбу пролетариата, локализовать ее, истощить в мирных переговорах и мелких конфликтах с предпринимателями. Забастовки сочувствия уже означают выход рабочих из сферы своих непосредственных узко-цеховых интересов. Ганди, поэтому, вооружается против забастовок сочувствия. По мнению Ганди «рабочие и кустари в Индии еще не достигли той степени национальной сознательности, которая необходима для успешных забастовок сочувствия». И это Ганди говорил в то время, когда вся страна сотрясалась от мощного забастовочного движения, когда по официальной статистике, в течение 1921 г. свыше полумиллиона рабочих было втянуто в борьбу, когда даже наиболее отсталый отряд индийского пролетариата — плантационные кули — десятками тысяч покидали чайные плантации Ассама!

Идеи гандизма, однако, туго прививались в рабочем классе. Как неоднократно жалуется сам Ганди, организация рабочих пикетов и «мирные» подзатыльники штрейкбрехерам во время забастовок, были в глазах рабочих наилучшим применением принципа ненасилия. Легче удавалось Ганди взнудать рабочее движение там, где среди рабочего класса было много элементов из разоренного ремесла, наиболее восприимчивых к идеологии гандизма. Такое положение существует в Ахмедабаде —

крупном текстильном центре в Бомбейской провинции. В Ахмедабаде во главе организованных Ганди профсоюзов стала филантропическая дама, дочь крупного текстильного фабриканта. Рабочее движение Ахмедабада до сих пор не может освободиться от дурмана гандизма, является наиболее отсталым в стране и даже не примыкает в Всеиндийскому центру профсоюзов. Во время грандиозней их забастовок в Бомбее, где до 200 тысяч рабочих были втянуты в борьбу, Ахмедабад обычно оставался спокойным и служил бомбейским фабрикантам живой иллюстрацией к их дезорганизующей пропаганде среди рабочих. Созданные Ганди и его сторонниками профсоюзы везде очутились под фактическим контролем буржуазии и образовали национал-реформистское крыло в рабочем движении, из-под влияния которого последнее начало освобождаться только в самые последние годы. Совсем иным было отношение гандистов к крестьянству. По самой своей сути, идеология гандизм а ближе крестьянству, чем пролетариату. С самого начала под'ема национально-революционного движения гандисты смотрели на крестьянство, если не как на главную движущую силу революции (понятие о движущих силах и гегемонии в революции чуждо гандизму), то во всяком случае, как на главный действующий класс в национальном движении.

Программа действия Ганди была, в первую очередь, рассчитана на активность крестьянства. Эта программа действия заключалась в так наз. «гражданском неповиновении властям». Под этим

понимался мирный отказ от выполнения законов, которые «народ» считает «несправедливыми». Так, организация митингов и собраний вопреки запрещению властей является примером гражданского неповиновения. Другим примером является издание явочным порядком и распространение неразрешенных органов печати, что Ганди рекомендовал в 1921 г. Все эти мероприятия, однако, ни в коем случае не следует смешивать с нелегальной работой в нашем понимании этого слова. Митинги и собрания должны были собираться открыто. Ганди требовал, чтобы на неразрешенных изданиях полностью были напечатаны адреса редакторов и типографий. Все это ю родство, якобы, имеет целью показать всему миру чистоту намерений националистов. На самом деле, эта программа была рассчитана только на то, чтобы припугнуть правительство, добиться «смены настроения» у английских правителей Индии, как выражался Ганди, одним словом, создать предпосылки для выгодного торга с империализмом.

Центральное место в программе «гражданского неповиновения» занимал лозунг неплатежа правительственных налогов. Этот лозунг имел в виду, главным образом, деревню и, действительно, сыграл огромную роль в деле революционизирования крестьянских масс. Ганди прекрасно понимал, что тут он играет с огнем и поэтому относился к лозунгу неплатежа налогов с такой сугубой осторожностью, которая практически сводила на нет революционное его значение. В самом начале включив этот лозунг в свою программу, Ганди после долгих колебаний

решил, наконец, превратить его в лозунг действия только в конце 1921 г. При этом он старался принять все меры, чтобы избежать революционных последствий. Крестьянство призывалось к отказу от уплаты правительственных налогов только там, где оно было целиком проникнуто идеей пассивного сопротивления. Внешними показателями такого «душевного» состояния крестьянства было распространение «кхаддара» и «чарки» и закрытие всех винных лавок. Но и тогда, когда эти условия были осуществлены в некоторых районах, что означало полное подчинение местного крестьянства влиянию Конгресса, Ганди решился только на лабораторный эксперимент. За все время под'ема движения Конгресс выбросил лозунг неплатежа налогов только в волости Бардоли, в родной провинции Ганди, после того как тщательное обследование установило, что там все крестьяне одеты в кхаддар и занимаются домашним прядением на чарке и большинство винных лавок в волости закрыто.

Несмотря на уверенность Ганди в преданности крестьянства его идеям, несмотря на все принятые им меры предосторожности, несмотря на то, что во главе крестьянских организаций везде, где они существовали, стояли националисты, — крестьянство, так же как и пролетариат, обмануло надежды гандистов. В Индии, где половина обрабатываемой площади страны находится в руках кучки туземных землевладельцев, держащей на положении полукрепостной зависимости 60% сельского населения страны, где английский империализм в лице правительства является монопольным

владельцем одной трети обработанных земель, — аграрный вопрос является осью национальной революции. Точно также как и рабочие, которые, прекращая работу вместе с туземным предпринимателем, нередко переходили к экономической забастовке против него, — точно также и крестьяне быстро поняли, что правительственные сборщики налогов и туземные кровопийцы помещики «едины суть». В некоторых районах религиозный антагонизм и племенные связи крестьянства затушевывали истинный характер крестьянской борьбы. Но в других районах крестьянство стихийно создавало свои классовые организации и выдвигало более или менее четкие требования аграрных реформ, а в период высшего подъема движения даже требовало перехода земли к крестьянству. В Соед. Провинциях крестьянство не только выгоняет правительственных сборщиков налогов, но прекращает и уплату арендной платы туземным землевладельцам, сжигает их хлеб, объявляет им общественный бойкот, лишает их бесплатных и платных услуг, которые деревня обязана им оказывать. Как только началось это движение, Ганди в марте 1921 г. обращается к крестьянам Соед. Провинций с инструктивным письмом, которое в тысячах экземплярах распространяется по деревням. В этом письме Ганди требует, чтобы крестьяне не употребляли физической силы против своих противников (т.-е. земиндаров), не отказывали им в обычных услугах, не задерживали уплату аренды землевладельцам; крестьяне должны помнить, что их задача превратить земиндаров в друзей. Так как

гражданское неповиновение еще не об'явлено, то они должны выполнять все распоряжения правительства и платить ему налоги и т. д.

К концу 1921 г. национальное движение достигло необычайного размаха. Число членов Нац. Конгресса выросло до 10 мил. членов. Не было деревни, в которой не знали бы имени Ганди. Англо-индийское правительство, которое, жестоко расправляясь с массовым движением, оставляло еще вождей его на свободе, надеясь с ними договориться, почувствовало, что дальше медлить нельзя, и одного за другим сажало руководителей Конгресса в тюрьму. Из всех крупных лидеров на свободе остался почти один Ганди. В декабре 1921 г. с'езд Нац. Конгресса об'являет гражданское неповиновение по всей стране и дает Ганди диктаторские полномочия на руководство движением, за исключением права самостоятельных переговоров с правительством.

В действительности, Ахмедабадский Конгресс был последней вспышкой революционных потуг нац. буржуазии. Забастовочное движение, направленное вначале против английских предпринимателей, обернулось против туземных фабрикантов. Растущее крестьянское движение, быстро перекидывавшееся из провинции в провинцию, стало прямой угрозой существованию туземных землевладельцев. Но не на шутку испугались крестьянского движения и туземная буржуазия, тесно связанная с землевладением, и мелко-буржуазная интеллигенция, так как в Индии последняя происходит большей частью из низшего слоя рент получателей. Стремление удушить крестьянское движение, остановить надвигающуюся

аграрную революцию объединило все туземные господствующие классы.

И они забили отбой. Используя кровавое столкновение между крестьянами и полицией в Соед. Провинциях, где 20 полицейских были убиты в свалке, туземная буржуазия потребовала от Ганди отказа от Ахмедабадских решений Конгресса и прекращения движения. И Ганди сдался. Через полтора месяца после Ахмедабадского Конгресса Исполком Конгресса принял знаменитое постановление, известное под именем бардолийской резолюции. Эта резолюция требует приостановления всех массовых митингов и демонстраций, пикетирования, неплатежа налогов и вообще всего, что понималось под именем гражданского неповиновения. Но основные пункты резолюции относятся к деятельности крестьянства. Исполком заявляет, что неплатеж арендной платы землевладельцам противоречит решениям Конгресса, и уверяет земиндаров, что движение Конгресса ни в коем случае не направлено против их законных прав и что даже в случае недовольства со стороны крестьян Конгресс требует от них обращения к арбитражному суду.

Поскольку эти решения соответствовали и интересам мелко-буржуазной интеллигенции, они были целиком поддержаны всем аппаратом Конгресса, разбросанным по всей Индии. В некоторых районах, как, напр., в Пенджабе, Конгресс оказался бессильным сразу остановить выступления крестьян. Но дезертирство руководителей нанесло всему нац.-революционному движению сокрушительный удар, от которого оно уже не могло оправиться. Через месяц

после принятия бардолийской резолюции Ганди тоже был упрятан в тюрьму. Его арест, который за два месяца до этого наэлектризовал бы миллионы, не вызвал даже демонстраций. После измены вождей, правительству уже не трудно было разгромить дезорганизованные массы восставших рабочих и крестьян. Вместе с разгромом первой индийской революции практически приходит к концу бесславная роль Ганди и его учения. За свое предательство революции буржуазия получает ряд уступок от английского империализма и переходит на рельсы конституционной борьбы. Ганди использован до конца и выбрасывается ею, как выжатый лимон. Ганди и сам это понимает, и после выхода из тюрьмы отходит от политики. Впрочем, индийская буржуазия не стесняется пустить в ход даже жалкие остатки авторитета Ганди, когда это ей нужно, и в конце прошлого года Ганди (вторично, после своего освобождения) был срочно доставлен в качестве главноуправляющего, чтобы успокоить мелкобуржуазную часть Конгресса, недовольную предательской тактикой вождей. Резолюция, внесенная Ганди и принятая съездом Конгресса в декабре 1928 г., повторяет старые бредни о гражданском неповиновении в атмосфере ненасилия. Но над ней уже открыто издевается даже «Форвард» — официальный орган Конгресса.

Мощная демонстрация 20 тыс. рабочих, ворвавшихся в зал заседания последнего съезда Конгресса в Калькутте и заставивших себя выслушать, несмотря на присутствие «святого» Ганди, показывает, что рабочий класс Индии быстро

освобождается от разлагающего влияния гандистских идей. Отказ бомбейских текстильщиков принять посредничество Ганди в текущей забастовке, есть новый крупный шаг по этому пути. Против гандизма в Индии нужно вести еще длительную и упорную борьбу, ибо перед массами он еще по революционному не разоблачен. Ганди и его адъютант, получающим социальный заказ от национальной буржуазии, еще удастся временами усыпить боевой дух пробуждающихся масс. В Индии, больше чем в любой другой стране, отжившее умирает медленно и, пока умирает, цепко хватается живое. Но когда на знаменах рабочих демонстраций появляются лозунги: «Долой лицемеров буржуазии», «Да здравствует Индийская Советская республика», то это означает, что политически гандизм в Индии похоронен бесповоротно. Будущее принадлежит не мелко-буржуазной идеологии непротивленчества, а той великой теории революционного действия, под знаменем которой сражается авангард, мирового пролетариата. Теория марксизма и ленинизма все более завоевывает себе сторонников в Индии. Недалеко время, когда с развитием в Индии мощной коммунистической партии индийский пролетариат под ее руководством превратит острое оружие критики империалистическими-колониального режима в критику его огнем революции.

Б. С—ль.

